

M. The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities. – New York: Basic Books, 2002. – 440 p. 37. Freeman, M. Metaphor making meaning: Dickinson's conceptual universe // *Journal of Pragmatics*. – 1995. – № 24. – P. 643-666. 38. Freeman, M. Emily Dickinson and the discourse of intimacy // *Semantics of Silence in Language and Literature* / Ed. by G. Grabher, U. Jessner. – Heidelberg: Universitat C. Winter, 1996. – P. 191-210. 39. Freeman, M. The body in the world: a cognitive approach to the shape of a poetic text // *Cognitive stylistics: Language and Cognition in Text Analysis* / Ed. by Elena Semino, Jonathan V. Culpeper. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 2002. – P. 23-48. 40. Johnson, M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1987. – 233 p. 41. Johnson-Laird, Ph.N. Mental models: towards a cognitive science of language, inference and consciousness. – Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1983. – 298 p. 42. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p. 43. Lakoff, G. & Johnson, M. Metaphors We Live By. – Chicago & London: University of Chicago Press, 1980. – 242 p. 44. Lakoff, G. & Johnson, M. Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to Western thought. – New York: Basic Books, 1999. – 624 p. 45. Lakoff, G. & Turner, M. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1989. – 230 p. 46. Langacker, R.W. Foundations of cognitive grammar. Vol. 2: Descriptive application. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. – 395 p. 47. Rosch E. Cognitive representations of semantic categories // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 1975. – № 104. – P. 192-233. 48. Semino, E. A cognitive stylistic approach to mind style in narrative fiction // *Cognitive stylistics: Language and Cognition*

in Text Analysis / Ed. by Elena Semino, Jonathan V. Culpeper. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing House, 2002. – P. 95-122. 49. Stockwell, P. The metaphors of literary reading // *Liverpool Papers in Language and Discourse*. – 1992. – № 4. – P. 18-39. 50. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. – Ann Arbor: Karoma Publishers Inc., 1985. – 368 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

51. Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз; Под ред А.П.Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – 698 с. 52. Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз; Под ред А.П.Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1982. – Т. 2. – 736 с. 53. Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз; Под ред А.П.Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – Т. 4. – 794 с. 54. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. Danbury: Lexicon Publications, Inc., 1993. – 1248 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

55. Шекспир В. Гамлет, принц датский: Пер.Б.Пастернака // Уильям Шекспир. – Полн. собр. соч. в восьми томах / Под общ. ред. А.Смирнова и А.Аникста. – М.: Художественная литература, 1959. – Т. V. – С. 12-136. 56. Шекспир В. Ромео и Джульетта: Пер. Б.Пастернака // Уильям Шекспир. – Полн. собр. соч. в восьми томах / Под общ. ред. А.Смирнова и А.Аникста. – М.: Художественная литература, 1959. – Т. III. – С. 14-108. 57. Shakespeare, W. Hamlet // *The Complete Works of William Shakespeare*. – In 12 vol. – N. Y.: The Un-ty Society, 1899. – Vol. XI. – P. 24-159. 58. Shakespeare, W. Romeo and Juliet // *The Complete Works of William Shakespeare*. – In 12 vol. – N. Y.: The University Society, 1899. – Vol. X. – P. 36-145.

СТРУКТУРА НОМИНАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА: ТЕНДЕНЦИИ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Огнева Е., канд. филол. наук (Белгород)

Создание таксономической (языковой) модели ментального содержания концепта по вербальным репрезентациям является одной из основных задач современного когнитивно-психологического моделирования. Структура таксономической модели основана на концептуальной иерархии, отражающей межуровневую дифференциацию основных характеристик концепта, что позволяет выделить ментальное и семантическое различие ее уровней на базе лексикографических данных [2]. Вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, под концептом мы понимаем дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отображаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественно-

го сознания к данному явлению или предмету [10: 24]. По мнению С.Г. Воркачева, концепт состоит из понятийной составляющей (признаковая и дефиницированная структура), образной составляющей (когнитивные метафоры, поддерживающий концепт в сознании) и значимостной составляющей – этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка [3: 7]. В.И. Карасик предлагает иную классификацию концептов: образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностная составляющая (оценка и поведенческие нормы) [6: 118].

Объектом нашего анализа служит структура концептов художественных произведений, при анализе которой из текстов извлекаются номинации (в данном исследовании – номинанты) видовых разновидностей денотата (вербализованные образы предметов) концепта и его отдельных признаков. Все выявленные признаки

включаются в описание концепта, а их встречаемость в различных текстах фиксируется для выявления наиболее ярких, коммуникативно релевантных [10: 126]. Под текстом понимаем целостное коммуникативное образование, компоненты которого объединены в единую иерархически организованную семантическую структуру коммуникативной интенцией (замыслом) его автора [1: 303]. Пониманию целого текста и его частей способствует когниция – не орнаментальный иноязычный вариант термина познание, а скорее процедуры получения и использования “предзнаний” (в том числе и обыденного “со-знания”) – разновидности мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний [5: 5]. Перевод художественного текста служит тем оптимальным способом, который выявляет “законы языкового сознания, семантической бесконечности языкового знака”, так как посредством него выявляется насколько мир значения разделен неодинаково для каждого языка [13: 4]. Художественный перевод требует от переводчика художественно-ориентированной интерпретации, которая наравне со смысловой интерпретацией (выявление концептов, схем и др.) включает интерпретацию художественной идеи как сложного сцепления художественно оформленных понятий и когнитивных образов [12: 179]. Исходя из того, что всегда есть возрастная, профессиональная, гендерная, а также индивидуальная составляющая концепта, которые вербализуются не во всем объеме и их не всегда удается обнаружить при описании концепта [10: 115] в статье представляется интересным рассмотреть пути адаптации структуры компонентов номинантов, составляющих номинативное поле (термин см. [10]) концепт-элемента “рынок труда”, выступающего в качестве звена концепта-фрейма “экономика”. Рассмотрение признаков, характеризующих исследуемый нами концепт-элемент в рамках материала двух художественных произведений и текстов их переводов, позволит сконструировать две модели, которые проиллюстрируют различную степень адаптации структуры номинантов исследуемого номинативного поля концепт-элемента “рынок труда”. Поскольку слова, номинирующие концепт, имеют глубинную и поверхностную структуру, то в процессе создания его модели будет рассматриваться степень адаптации плана содержания и выражения номинантов на переводной язык. Предпринятое исследование структуры концепта “быт русского народа” и его моделирование (по материалам художественных произведений) позволило изучить к данному моменту концепт-фрейм “уют” [8: 363-8] и построить модель когнитивного сценария “Шинель” (вещь + образ жизни русского чиновника XIX века”) (в печати). Была также создана компаративная модель концепта-фрейма “экономика” [9].

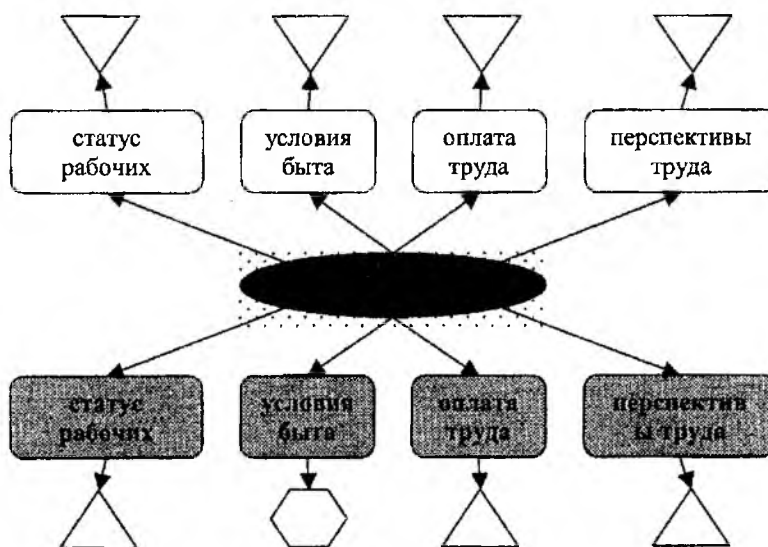
Изучение структуры номинативного поля концепт-элемента “рынок труда” позволит выявить причины несовпадения параметров номинантов исследуемого концепт-элемента оригинального текста и переводного, принимая во внимание тот факт, что оптимальная ситуация для перевода возникает не тогда, когда смысл и содержание совпадают, но когда содержание, вкладываемое автором, согласуется с извлекаемой переводчиком информацией [12: 179].

В процессе изучения фактического материала были выявлены следующие номинанты, составляющие исследуемое номинативное поле в рамках таких художественных произведений, как “Петр Первый” [16] и “Жерминаль” [14]. При построении модели концепт-элемента “рынок труда” на материале указанных произведений будет рассмотрена структура следующих номинантов: “статус рабочих”, “условия быта”, “оплата труда”, “перспективы трудовой деятельности”, характеризующих период зарождения капиталистических отношений в России (“Петр Первый”) и “статус рабочих”, “характеристика рабочих”, “условия труда”, “условия быта”, “условия оплаты”, “внешний вид рабочих”, “оплата труда”, “перспективы трудовой деятельности”, характеризующих период развитого капитализма во Франции (“Жерминаль”). Исследования текстов показывают, что концепт-элемент “рынок труда” детально изложен А.Н. Толстым в следующем тексте: “Здесь двое наемных поругались с Денисовым из-за пищи, взяли расчет – по три четвертака, ушли – куда глаза глядят [16, Т.2: 362]. Сопоставим компоненты языковой структуры, описанной в оригинальном тексте ситуации, и варианты их перевода на французский язык: ‘*Là, deux des haleurs embauchés se querellèrent avec Dénissov au sujet de la nourriture ils demandèrent leur compte (soixante-quinze copecks par tête), et partirent droit devant eux*’ [17, Т.2: 97]. Номинант “статус рабочих”, представленный в тексте оригинала выражением “двое наемных”, переведен на французский язык словосочетанием ‘*deux des haleurs embauchés*’ (нанятые бурлаки), которое является избыточным, так как по словарю В.И. Даля “бурлак, вообще, крестьянин, идущий в чужбину на заработки, особенно на речные суда” [18]. Переводчик использовал прием, основанный на явлении *отношения внеположенности* (процесс смещения: для наименования используются смежные понятия в пределах данного родового) [4, с. 376-380]. Увеличение объема плана выражения номинанта привело к асимметрии плана его содержания в тексте перевода. Изучение компонентов структуры номинанта “условия быта рабочих”, относящегося к исследуемому номинативному полю концепт-элемента “рынок труда” выявляет, что словосочетание оригинала “поругались с Денисовым из-за пищи” переведено на французский язык адекватно, но в плане выражения добавлена вставка ‘*au sujet*’: ‘*se querellèrent avec Dénissov au sujet de la*

nourriture’, что обусловлено структурой языка перевода, поэтому план выражения единицы оригинала передан асимметрично, а план содержания – симметрично. Структура номинанта “оплата труда” в оригинальном тексте отображена в следующем выражении: “*взяли расчет по три четвертака*”, которое адаптировано как “... *ils demandèrent leur compte (soixante-quinze copecks par tête)*”. По В.И. Дало, “четвертак, четвертачок, серебряная монета в четверть рубля, 25 копеек, полуполтинник” [18]. Сопоставительный анализ выявил адаптацию структуры словосочетания “по три четвертака” к восприятию франкоговорящего читателя методом *смыслового развития* (по Я.И. Рецкеру метод характеризуется заменой словарных соответствий контекстуальными). В результате, в тексте перевода читаем “*soixante-quinze copecks par tête*” (букв. 75 копеек каждому). План содержания номинанта адаптирован путем преобразования плана выражения, что обусловлено требованиями языка перевода. При переводе словосочетания “*взяли расчет*” переводчик искажил смысл единицы оригинала, употребив глагол *demander*: “*demandèrent leur compte*” (потребовали расчет), так как глагол “*взять*” обозначает результат, тогда как глагол “*потребовать*” характеризует лишь начало действия. Итак, план содержания и план выражения исследуемого номинанта переданы асимметрично на переводной язык. Четвертый номинант – “перспективы трудовой деятельности” концепт-элемента “рынок труда” в ориги-

нале выражен поговоркой “*ушли – куда глаза глядят*”, во французском языке он заменен на стилистически нейтральное словосочетание: “*partirent droit devant eux*”, не смотря на то, что в языке перевода есть эквивалент русской поговорке: “*aller à l’aventure; aller où me portent mes pas*” [19]. Таким образом, в процессе адаптации концепт-элемента “рынок труда” к восприятию франкоговорящего читателя симметрично передана смысловая структура только одного номинанта из четырех, что составляет 25%, если принять симметричную передачу структуры компонента за 100%. План выражения передан асимметрично на 100%, что в общем можно охарактеризовать как *целостное преобразование* при переводе (разновидность приема смыслового развития, но в отличие от антонимического перевода обладает большей автономностью и обнаруживает логическую связь между планами выражения оригинала и перевода) [11: 53].

Исходя из того, что преимущество графической модели концепта перед словесной заключается в наглядности представления его полевой структуры, отобразим полученные результаты в следующей модели, где верхняя часть – это поверхностная структура номинативного поля концепт-элемента, нижняя часть модели (темная) – это глубинная структура номинативного поля концепт-элемента, треугольник – символ асимметричной передачи структуры номинанта на переводной язык, шестиугольник – символ симметричной передачи структуры номинанта на переводной язык.

При рассмотрении структуры номинативного поля концепт-элемента “рынок труда” в период *развитого капитализма* по материалам произведения Э.Золя “Жерминаль” анализ фактического материала показал, что автор охарактеризовал рынок труда по следующим направлениям: “статус рабочих”, “характеристика рабочих”, “условия труда”, “условия быта”, “условия опла-

ты”, “внешний вид рабочих”, “оплата труда”, “перспективы трудовой деятельности”, которые в рамках нашего исследования являются номинантами исследуемого номинативного поля “рынок труда”. Изучение структуры номинативного поля концепт-элемента “рынок труда” по материалам указанного произведения выявил наличие большего числа номинантов в сравнении со

структурой исследуемых номинантов поля концепт-элемента художественного произведения “Петр Первый”. Исследования показывают, что номинант “статус рабочих”: подразделяется на два компонента “взятые “с улицы”” и “штрейкбрехеры” в следующем контексте “- *Je n'aime guère qu'on ramasse des inconnus sur les routes... Surtout, ne recommencez pas*” [14: 53], который переведен как “- *Терпеть не могу, когда берут с улицы совершенно неизвестных людей... Пожалуйста, чтобы больше этого не было*” [15: 44]. В тексте перевода прослеживается наряду с приемом усиления при адаптации словосочетания “*je n'aime guère que*” - “терпеть не могу” прием нивелировки: лексема “*ramasser*” (букв. “подбирать”) переведена как “брать”. Во втором предложении прослеживается трансформация форм связи.

Таким образом, план содержания номинанта адаптирован симметрично, а план выражения асимметрично. Компонент “штрейкбрехеры” номинанта “статус рабочих” отображен в следующем примере “*C'est demain, que le travail reprend ou Voreux. Les Belges sont arrivés avec le petit Nègre!*” [14: 402], который переведен как “*Завтра возобновляются работы в Ворё. Негрель привез бельгийцев*” [15: 338]. В результате сопоставительного анализа текста оригинала и перевода выявлены следующие преобразования: во-первых, в тексте перевода исчезло уточнение “*c'est ... que*” (букв. “именно”), во-вторых, переводчиком осуществлена транспозиция грамматической категории числа имени существительного: единственное число лексемы “*le travail*” (работа) изменено на множественное “работы”. Во втором предложении рассматриваемого компонента номинанта прослеживаются как актантные трансформации его структуры: взаимозамена главного и второстепенного члена предложения, так и трансформация грамматической категории глагола – активный залог на пассивный. Преобразования плана выражения исказили картину процесса появления бельгийцев на шахте, в то время как результат в тексте оригинала и перевода один: штрейкбрехеры-бельгийцы прибыли на шахту. План содержания номинанта адаптирован симметрично, а план выражения – асимметрично.

Э. Золя дает подробное описание шахтеров, составляющее номинант “характеристика рабочих”. Номинант подразделен на несколько компонентов: самовосприятие шахтеров: “машины”, дружеская характеристика: “белоручка”, характеристика начальства: “все вы на один лад”. Рассмотрим инварианты указанных компонентов в сравнении с их вариантами в переводных текстах: а) самовосприятие шахтеров “машины”: “... *il était accepté, regardé comme un vrai mineur dans cet écrasement de l'habitude qui le réduisait un peu chaque jour à une fonction de machine*” [14: 138], что переведено как “*Шахтеры принимали его в свою среду и считали настоящим улекопом, с каждым днем он все более входил в колею, превращаясь в машину*” [15: 115]. Сопоста-

вительный анализ структуры компонентов номинанта “характеристика рабочих” выявил наличие приема целостного преобразования: во-первых, актантные трансформации: взаимозамена главного и второстепенного члена предложения, где лексема “*il*” переведена словом “его”; во-вторых, трансформация грамматической категории залога глагола: пассивный залог “*était accepté*” переведен активным залогом глагола: “принимали”; в-третьих, словосочетание “*dans cet écrasement de l'habitude*” переведено стилистически окрашенным эквивалентом “входить в колею”, несмотря на то, что во французском языке есть устойчивое выражение, эквивалентное исследуемому “входить в колею” - “*reprendre la vie normale*” [19: 249]. В результате, как план содержания номинанта, так и план выражения переданы асимметрично. Компонент “белоручка” отображает дружескую характеристику героя произведения в следующем тексте: “-*Eh! L'aristo! Cria le jeune homme à Etienne, passe-moi des bois*” [14: 40], который переведен как “- *Эй, ты, белоручка! – крикнул Захария Этьену. – Подайка мне доски*” [15: 34], где лексема разговорного стиля “*l'aristo*” (букв. “аристократ”) переведена эквивалентом “белоручка”, а словосочетание “*le jeune homme*” уточнено и выражено лексемой “Захария”. Содержание компонента передано симметрично, а план выражения – асимметрично. Компонент, отражающий характеристику рабочих со стороны начальства: “все вы на один лад” дается писателем в следующем тексте: “*Ah! Vous êtes bien tous mêmes, vous laisseriez aplatir le crâne, plutôt que de lâcher la veine mettre au boisage le temps voulu!*” [14: 53], который переведен как “*Все вы на один лад – предпочитаете размозжить себе череп, чем остановить хоть на минуту забой и подвести креп*” [15: 45]. Словосочетание “*vous êtes bien tous mêmes*” переведено поговоркой “все вы на один лад”. Следует отметить, что значение лексемы “*la veine*” (рудная жила) ссужено при замене её словом “забой”, хотя во французском языке лексема “забой” имеет эквивалент “*chantier*”. Таким образом, компоненты структуры исследуемого номинанта переданы на переводной язык асимметрично.

Рассмотрим номинант “условия труда” номинативного поля исследуемого концепт-элемента в следующем тексте: “*Dans la taile, le travail des haveurs avait repris. Soudain, ils abrégeaient le déjeuner, pour ne pas se refroidir*” [14: 50]. В тексте перевода читаем: “*В штольне снова заработали забойщики. Часто они сокращали время завтрака, чтобы не застыть*” [15: 42]. При адаптации структуры словосочетания “*le travail des haveurs avait repris*” переводчик использовал прием актантных трансформаций: осуществлена взаимозамена второстепенного члена предложения и подлежащего: единица перевода “*des haveurs*”, выполняющая функцию дополнения в тексте перевода перешло в разряд подлежащего: “забойщики”; лексема “*le travail*” путем транспозиции грамматических категорий (синтетическая) преоб-

разована в лексему 'заработали'. Во втором предложении рассматриваемого компонента описания необоснованно изменено слово "soudain" (букв. "неожиданно") на лексему 'часто', в тексте перевода была добавлена поясняющая вставка 'время'. Осуществленные преобразования плана выражения не оказали влияния на план содержания, который был адаптирован симметрично на русский язык. Тогда как в следующем примере прослеживается прием целостного преобразования, позволивший переводчику адаптировать лексико-грамматическую конструкцию оригинала "dans cette rage du gain disputé si rudement" выражением 'перед этой яростной погоней за заработком' в следующем тексте: "Tout disparaissait dans cette rage du gain disputé si rudement. Ils cessaient de sentir l'eau qui ruisselait" [14: 50] и его переводе 'Все исчезало перед этой яростной погоней за заработком, добытым таким тяжелым трудом. Они переставали замечать заливавшую их воду' [15: 42]. Компоненты структуры второго предложения номинанта перекодировано путем применения трансформации форм связи в предложении. В результате план содержания номинанта передан симметрично, а план выражения – асимметрично. Исследование структуры номинанта "условия быта" показало, что одна его часть адаптирована путем целостного преобразования структуры: "C'était une salle assez vaste, tenant tout levez-dechaussée" [14: 21-22] - 'Весь нижний этаж занимала довольно большая комната' [15: 17-18], тогда как при переводе следующей части структуры номинанта были дополнены лексемы "которая", "ещё", "была": "Près de la porte de l'escalier, une autre porte conduisait à la cave" [14: 21-22] - 'Возле двери на лестницу была еще одна дверь, которая вела в погреб' [15: 17-18]. Третья часть номинанта адаптирована как путем подбора эквивалента 'накануне' лексеме "la veille", так и с помощью вставок "в комнате", "вонь": "Malgré la propreté une odeur d'oignon cuit enfermée depuis la veille empoisonnait l'air chaud, cet air alourdi, toujours chargé d'une âcreté de houille" [14: 21-22] - 'Несмотря на чистоту, в комнате со вчерашнего дня стоял запах жареного лука; спертый тяжелый воздух постоянно был насыщен едкой вонью антрацита' [15: 17-18]. Сопоставительный анализ инварианта и варианта выявил изменения порядка слов в соответствии с требованиями языка перевода.

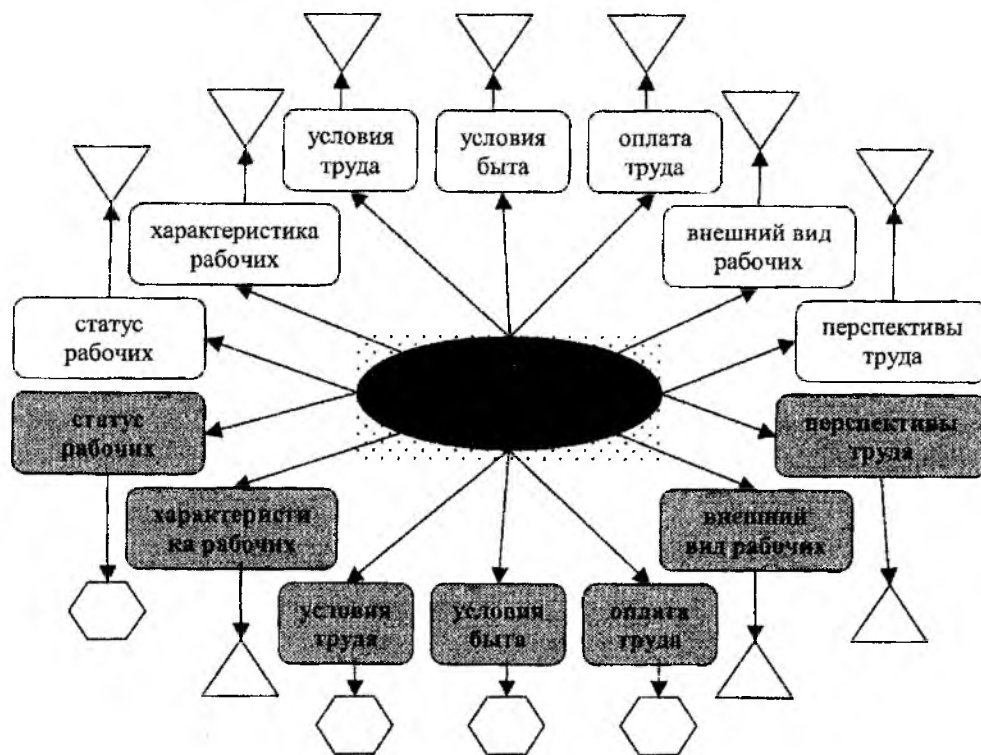
Таким образом, план содержания номинанта адаптирован симметрично за счет перечисленных преобразований его плана выражения. Исследование номинанта "внешний вид рабочих" проведено на материале следующего текста: "Les charbonniers gonflèrent les épaules, croisèrent les bras et partirent, débordés, avec un roulis des reins qui faisait saillir leur gros os, sous la toile mince des vêtements" [14: 66] и его перевода: 'Углекопы, подняв плечи и скрестив руки на груди, шли вразброд, раскачиваясь на ходу; под ветхим холстом обрисовывались костлявые спины' [15: 56]. Было выявлено, что

словосочетание "gonflèrent les épaules" переведено путем транспозиции части речи: глагол переведен деепричастием 'подняв плечи'. Словосочетание "croisèrent les bras" адаптировано также путем транспозиции части речи: глагол переведен деепричастием 'скрестив руки на груди' (более того, в этом же словосочетании прослеживается вставка единицы "на груди"). Деепричастие "débordés avec un roulis des reins" переведено прагматическим эквивалентом 'вразброд, раскачиваясь на ходу'. Вторая часть предложения "qui faisait saillir leur gros os, sous la toile mince des vêtements" адаптирована путем применения актантных трансформаций: переход второстепенного члена предложения "leur gros os" в роль подлежащего 'костлявые спины'. Лексема "vêtements" отсутствует в тексте перевода. Таким образом, план выражения номинанта претерпел множество преобразований, обусловленных как законами языка перевода, так и переводческим решением, план содержания передан асимметрично. Номинант "оплата труда" хорошо проиллюстрирован в следующем тексте: "Je te retiens les dix sous, si tu nous en fais refuser une!" [14, с. 44], который переведен симметрично в плане содержания и асимметрично в плане выражения: 'Я удержу с тебя десять су, если не примут хотя бы одну вагонетку' [15: 37]. Лексема "refuser" переведена синонимом 'не примут' и лексема 'вагонетка' дополнена в качестве пояснения. В тексте выявлена ещё одна характеристика условий оплаты труда: "Était-ce possible qu'on se tuât à une si dure besogne dans ces ténèbres mortelles, et qu'on n'y gagnait même pas les quelques sous du pain quotidien" [14: 54], что переводится как 'Неужели можно убивать себя таким тяжелым трудом среди вечного мрака, не имея даже возможности заработать какие-то гроши на хлеб' [15: 45]. Сопоставительный анализ структуры номинанта в текстах оригинала и перевода выявил транспозицию грамматической категории времени глагола: passé simple: "se tuât" на инфинитив 'убивать'. Прослеживается также употребление различных предлогов в исследуемом номинанте в текстах оригинала и перевода (подробнее о предлогах см. 7: 182-185). План содержания номинанта адаптирован симметрично, а план выражения – асимметрично. Номинант "перспективы трудовой деятельности" выражает безысходность: "Ça n'avance à rien d'en sauser, vaut mieux être là-bas au travail" [14: 21] - 'Словами делу не поможешь, лучше уж идти на работу' [15: 17] и переведен путем целостного преобразования структуры, которая асимметрична инварианту. Сопоставив совокупность языковых средств выражения концепта, раскрывающих его содержания в текстах оригинала и перевода, мы получаем описание лишь части концепта, что обусловлено во-первых, тем, что концепт представляет собой объемную нежестко структурированную ментальную единицу, которую исчерпывающе выразить языковыми средствами невозможно, во-вторых, в концепте всегда есть невер-

бализованная часть содержания, в-третьих, ни один исследователь и ни один лингвистический метод не может выявить и зафиксировать все средства языковой и речевой репрезентации концепта в данном социуме, всегда остается нечто, не зафиксированное и неучтенное, в-четвертых, концепт, величина динамичная, в огромной степени зависящая от состояния общества, общественной ситуации [10: 115].

Таким образом, сопоставительный анализ структуры номинантов номинативного поля концепт-элемента "рынок труда" в тексте оригинала на французском языке

и переводном тексте на русском языке выявил 100% асимметрию плана выражения концепт-элемента инварианта и перевода и 60% симметрию плана содержания, что отображено в следующей модели, где верхняя часть – это поверхностная структура номинативного поля концепт-элемента, нижняя часть модели (темная) – это глубинная структура номинативного поля концепт-элемента, треугольник – символ асимметричной передачи структуры номинанта на переводной язык, шестиугольник – символ симметричной передачи структуры номинанта на переводной язык.

Итак, любая графическая модель концепта отображает некую степень приближения к концепту как ментальной единице. Сопоставительный анализ структуры номинантов исследуемого номинативного поля концепт-элемента "рынок труда" позволил сконструировать две модели по материалам двух художественных произведений. Результаты, полученные при исследовании, выявили степень несоответствия структуры номинантов концепт-элемента оригинала и перевода, что перспективно для создания компаративной модели "быт народа".

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. - М.: Гнозис, 2005. - 326 с.
2. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004, № 1. - С. 18-36.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. - М.: ИТДГК "Гнозис", 2004. - 236 с.
4. Гак В.Г.

5. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2005, № 3. - С.5-10.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - М.: ИТДГК "Гнозис", 2004. - 390 с.
7. Огнева Е.А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: Монография. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. - 228с.
8. Огнева Е.А. Характеристика объема переводимости концептов художественных текстов // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизации преподавания иностранных языков: Мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. - Тольятти: ТГУ, 2005. - С. 363-368.
9. Огнева Е.А. Построение компаративной модели концепта "экономика" (по материалам художественной прозы) // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы Междунар. науч. конф.: В 2 ч. под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. - Белгород: Изд-во БГУ, 2006. - Вып. 9. - Ч. 2. - С.205-213.
10. Попова З.Д. Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: Монография. - Воронеж: "Истоки", 2006. - 226 с.
11. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. - М.: Международные отношения, 1974.
12. Фесенко Т.А. Специфика национального

культурного пространства в зеркале перевода. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 13. Щерба Л.В. Некоторые выводы из моих диалектологических мужицких наблюдений. Т.1. – Петроград, 1915.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

14. Émile Zola. *Germinal*. – Moscou: Éditions en langues étrangères, 1949. – P. 530. 15. Эмиль Золя. Жерминаль. Роман. / Пер. с фр. А. Дмитриевский. – Воронеж: Центр. Чернозем. кн. изд-во, 1988. – 448с. 16. Толстой А.Н. Петр первый: Ро-

ман. – М.: “Художественная литература”, 1981. 17. A. Tolstoï. *Pierre Ier. Roman en trois livres / Tr. du russe: livres premier et deuxième par Alice Orane, livre troisième par Alice Orane et Cyrilla Falk*. – М.: Editions en langues étrangères, 1982.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

18. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка в 4-х т. – М.: Русский язык, 1999. 19. РЭС. Русско-французский словарь: 50 000 слов. – 14-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1993.

ИДИОМАТИЧЕСКАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КОНЦЕПТА *ВЕРТИКАЛЬ* В СОСТАВЕ АНГЛИЙСКИХ ЛОКАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Андреева И.А. (Запорожье)

Природная среда и, следовательно, пространство играет весьма важную роль в формировании образных эталонных стереотипов восприятия и осмысления действительности, через которые этнос “видит мир” [1: 61]. Пространственный код является одним из самых давних и наиболее сформированных универсальных культурных кодов, результатом умственных и познавательных операций человека, актуализируя его общие представления о мире. Пространственные ориентиры составляют богатую основу для осмысления человеческого опыта в ориентационных терминах [2 : 407]. Как следствие, концептуализация пространства и вербализация соотносимых с пространственными концептами категорий и понятий в последние годы во всё возрастающей мере привлекает внимание лингвистов [3; 4; 5; 6; 7].

Существенное отличие лексической и идиоматической вербализации пространственных концептов заключается в невоспроизводимости на фразеологическом уровне ряда **концептуальных метафор**, участвующих в метафоризации пространственных отношений на лексическом уровне. Метафора и метафоризация – не просто феномен языка, но и повседневная концептуальная реальность, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой [8 : 73]. Результатом метафоризации пространственных отношений является осмысление непространственных сфер в пространственных терминах. В метафоризованных фразеологизмах, объединенных гиперсемой пространства (локативных фразеологизмах, далее – ЛФЕ), проявляется преимущественно абстрактное понимание пространства. Знаковые компоненты ЛФЕ содержат фигуральные, неистинные знания о мире, поскольку пространственные семы, интегрированные в их фразеологическое значение, “лишаются буквальной семантики” и служат для “обозначения иных культурных кодов, а именно – антропного, аксиологического, модального”. В пространственный код “вклю-

чаются знаки других концептосфер и кодов – соматического, биоморфного, предметного и др.” [4 : 168].

Процесс взаимодействия пространственного кода с другими культурными кодами опирается на разработанную в когнитивистике теорию “идиоматического рефрейминга” (Д.О. Добровольский, А.М. Баранов, Ч. Филлмор, П.Кей, Е. Кави, Р. Макин), операцию над двумя фреймовыми структурами, согласно которой “интегральная семантика идиом образуется на основании переинтерпретации семантики знака в другую семантику по определенным правилам преобразования, которые основаны на интеграции когнитивных структур – фреймов” [ibid].

Когнитивной базой метафоризации есть главное средство концептуальной системы, с помощью которого мы понимаем и воспринимаем один объект в терминах объекта другого типа [8 : 70]. Эта интеграция происходит за счет **концептуальных метафор**, обеспечивающих обмен слотами взаимодействующих фреймов. Согласно теории концептуальной метафоры [2], “переносу” подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной концептуальной структурой.

В рамках теории концептуальной метафоры выделяют **ОРИЕНТАЦИОННУЮ** метафору [2: 396], с помощью которой по образцу пространственной системы выстраиваются иные системы (концептосферы) знаний. На лексическом уровне список ориентационных метафорических моделей ограничен: общей областью-источником (**Source Domain**) является пространственная вертикаль UP/DOWN, а области цели (**Target Domain**) находятся в концептосферах **ФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ, ЭМОЦИЙ, УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ГЛА-**